

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую мощную силу в своём языке,
как будто в нём слышится поступь лихого коня
и крыльев орлиные взмахи уносят меня.

Когда разговор на татарском идёт языке,
то будто бы слышится музыка мне вдалеке,
и ноги пускаются в пляс, и, ловя голоса,
я к рощам спящих созвездий лечу в небеса.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую братскую силу в горячей руке,
как будто зову я далёких и близких друзей
явиться ко мне с уголков нашей родины всей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я крепко сжимаю обиды в своём кулаке,
и их не пускаю, как стрелы, лететь по земле,
стараясь хранить ваши души в клубящейся мгле.

Когда разговор на татарском идёт языке,
душа моя песней звенящею на ветерке
летает кругами над тихой планетой моей,
среди белокрылых и сизых кружа голубей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
то сердце моё, будто лодка, плывёт по реке,
везя в себе гордость и радость, и дождь, что стучит,
который молитвою сладкой над миром звучит...

ИСКОРКА

Мы знаем, как правда мала и как выдумка необозрима.
Мне трудно об этом писать. (Будто выйти в мир — голому!)
И всё ж это так: из кострища Мустая Карима
горящая искра, взлетев, на мою пала голову.

Я сам и не понял... Услышал лишь, как говорит
мой старый приятель, слегка уязвлённый случившимся:
“Послушай, поэт! На тебе уже шапка горит!” —
и всем указал на дымок, с головы моей вившийся.

Уж люди-то знают, на ком могут шапки гореть!
И вот уже каждый грозит мне с укором рукою...
Стихи же Карима текут к нам широкой рекою...
Скажите, ну, можно ли реку прилюдно спереть?!

Течёт Агидель по Татарии милой моей!
И сколько ни пей из неё — она не усыхает.
Вот так и Мустай утоляет мне душу стихами,
и с каждым глотком мне становится что-то ясней.

Горит на мне шапка... С мольбой шлю к поэту я взор:
“Мустай! Ты мне новую шапку купить должен быстро!..”
Смеётся Мустай: “Я тебе подарил только искру.
Ты сам виноват, что раздул её в мощный костёр”.

* * *

Какая во всём ненадёжность! И бренность какая!
Рассыпались камни дорог, что носили Тукая.
Урал обмелел. И увязла в скоплении ила
та лодка, что прежде Тукая по водам носила.

С чего ж Земной шар, что обязан вкруг солнца кружиться,
под весом Тукая, как будто сухарь, стал крошиться?
Ведь в мире подлунном не может быть лёгких поэтов,
поскольку поэты несут на себе тяжесть света.

На Волгу родную Тукай попытался вернуться,
надеясь, что камни Казани под ним не прогнутся.
Там поднял на плечи Вселенную, и — в то же время
земля расступилась под ним, не сдержав это бремя...

Но бросить не в силах просторы, что так хороши,
осталась летать над землёй его птица души,
которая, к счастью, отныне сиротства не знает
и, встретив горячее сердце, гнездо в нём свивает.

БЕЛАЯ ТРЕВОГА

Тени белых берёз растворяются в белых снегах.
Белый лес чуть дрожит на неверных метельных ногах.
В этом белом краю я стою, белым паром дыша,
и, как белым туманом, объята тревогой душа.

За спиною моей белый след вьётся белым хвостом.
Преодо мной неизвестность расстелена белым листом.
Ни путей, ни дорог — всё упрятал в сугробах мороз.
Только чёрные чёрточки на вертикалях берёз.

За версту от себя вижу белую массу леса,
что, как белую тряпкой протёртая в классе доска,
сохраняет размытые белые контуры строк,
то ли ужас в себе заключавшие, то ли восторг.

Лес под снегом таится, укутав рябины, дубы.
Он похож на страницу ещё не прочтённой судьбы.
Чую, заговор зреет! Колеблется белая тьма!
Скоро солнце пригреет — и свергнута будет зима...

НЕ ВЕРНУСЬ!

Возвращаться в молодость не хочу,
вспять педали возраста не кручу,
повторять ошибки я не люблю,
лучше годы старости я продлю.

Молодость — весёлая, это так!
Блещет в небе солнышко, как пятак.
А под старость нравятся тишина,
глубина сердечная и луна.

Летом и без солнышка день хорош!
А зимой и в варежках бьёт нас дрожь.
Пахнет одиночеством зимний сад...
Всё равно не хочется мне назад!

Всё равно я в молодость не вернусь!
Там любовь расколота, боль и грусть.
Дважды в одну реку нам не войти,
лучше ждать, что сбудется впереди...

КАЗАНЬ — КОРАБЛЬ С ПАРУСАМИ

Мне слёзы восторга к глазам подступают всегда,
когда на родную Казань я смотрю сквозь года.

Ну, как не дивиться, когда из-под мрака ночей
столица, как птица, взлетает в сиянье лучей!

Весною и летом, в закат и в слепящую рань —
пусть жизнь вашу светом наполнит, как чудом, Казань!..

Как искрами, новью эпоха реальность прожгла.
Но сердце с любовью хранит ту Казань, что ушла...

(Там важно павлины со ставней глядят в огород,
как посохи древних пророков – столбы у ворот.

Резные крылечки, балконы, дворы, переулки,
огни мезонинов – как будто с богатством шкатулки.

Там трубы печные в уборах красивых корон,
и гул водостоков в дожди с четырёх всех сторон.

Я с болью тоскую по старой Казани моей...)
А сердце ликует, купаясь в делах новых дней!

Как лебедь крылатый, взлетает Казань над рекой.
Я знаю: когда-то вновь кто-то зальётся тоской,

когда через годы изменит свой облик она,
велениям моды и ходу прогресса верна...

Пусть время по капле уходит у нас на глазах,
Казань – ты корабль мой, что мчится на всех парусах!

Красиво и гордо летит он сквозь волны времён...
Люби этот город, что в парус, как ветер, влюблён!

*Перевод с татарского языка
Николая Переяслова*